

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА*

Актуализация идеи историчности в интеллектуальной культуре второй половины XX века стала одним из проявлений *исторического поворота* в научном познании. Опираясь на работы философов, антропологов, историков, филологов, автор стремится понять, в чем заключается содержание такого поворота и как воспринимается историчность на пороге третьего тысячелетия. Проблематика историчности обсуждается в русле антитеологической мысли, которая постепенно реабилитировала разрывы в истории, виртуальность прошлого, фундаментальность реляционного взаимодействия прошлого и настоящего. Выявляются различия между историчностью в классическом познании и в интеллектуальной культуре рубежа XX–XXI вв.; обсуждаются особенности концептуализации историчности на пересечении филологической и исторической перспектив; показано трансдисциплинарное происхождение синтагмы *режим историчности*, ее связь с темпоральным поворотом в познании и когнитивными процессами в научной деятельности.

Ключевые слова: *историчность, темпоральность, история, исторический поворот в познании, режим историчности, трансдисциплинарность*

Историчность нередко понимается как синоним *исторического*. Более того, с историчностью связывают «невидимый порядок и силу» истории (Ж. Рансьер). Однако концепт *историчность* остается во многом не проясненным. Несмотря на обилие специальной литературы «понятие историчности, отчасти ставшее общим знаменателем разнородных по происхождению и даже взаимоисключающих философских тенденций, взятое само по себе демонстрирует очевидную бедность своего содержания, его размытость и неопределенность в той мере, в какой оно всего лишь фиксирует всеобщность становления применительно ко всему существующему»¹. Но в научном познании историчность принадлежит к области очевидного и наряду с историзмом/историцизмом остается одним из методологических принципов. Ритуальные ссылки на эти окостеневшие познавательные принципы способствуют консервации накопившихся в научных традициях стереотипов и упрощений. Ситуацию осложняет инерционность исторического познания: базовые установки профессиональных историков меняются медленно. По словам

*Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

¹ Перов 2000. С.43.

французского медиевиста П. Бушерона, «историки мечтают вместе с Ж. Мишле, но работают как Ш. Сеньобос»².

В последние десятилетия в философии и социально-гуманитарных науках предпринимаются попытки прояснить содержание этих принципов и наметить пути их историзации. Проблематика историчности, историзации, контекстуализации стала активно обсуждаться в русле формирующейся в интеллектуальной культуре антитеологической традиции, которая постепенно реабилитировала разрывы в истории, виртуальность прошлого, неизбежность реляционного взаимодействия прошлого и настоящего. В трансдисциплинарном режиме переосмысливается природа исторической динамики и когнитивный статус прошлого. Точками отчета выступают разные аспекты реальности так или иначе связанные с историей: время, событие, истина, память, судьба, причина и следствие, анахронизм, справедливость, контингентность и пр. Разумеется, в рамках небольшой статьи нет возможности писать об этом подробно. Цель данного текста – показать важность исследования проблематики историчности не только для историков, но и для науки в целом.

Присутствие исторического измерения не только в философии, но и во всех науках, по-видимому, связано именно с явлением историчности. История, полагает Ж. Рансьер, «это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в качестве общей основы для схватывания объектов. Доминирование истории – это устойчивое преобладание определенного чувства истории»³. Получается, что историчность можно рассматривать как символ научного дискурса, индекс истины и легитимности научной деятельности. «История, становящаяся историей лишь в ходе и по мере ее познания, разумеется, сильнее зависит от человека, чем история, которая, совершаясь, достигает человека как уготованная ему судьба. И лишь новое теоретическое понятие открывает перед человеком поле деятельности, где он встает перед необходимостью предвидеть историю, планировать ее, «производить» (*hervorbringen*, по Шеллингу) и, наконец, «делать» (*machen*)», – писал Р. Козеллек⁴.

Историческое как интегральная часть мышления было изобретено сравнительно недавно, в эпоху Ренессанса. Это изобретение стало результатом длительного интеллектуального развития. Но принято считать, что только после интенсивных перемен рубежа XVIII–XIX вв. *историческое* стало восприниматься как неотъемлемая составляющая всякой мысли. Козеллек, вводя в науку макроаналитические категории

² Boucheron et Casanova 2013. Впрочем, это наблюдение исключает из рассмотрения риторику и поэтику познания, без которых современное понимание историчности в трансдисциплинарном режиме вряд ли возможно.

³ Rancière 1995, p. 52.

⁴ Козеллек 2004 N5.

«пространство опыта» и «горизонт ожидания», стремился показать условия возможности *исторического* как явления. Его идеи способствовали антропологизации истории, поскольку «нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей»⁵. Важным вкладом в понимание исторического стала синтагма *режим историчности*⁶, а также реабилитация табуированного в историописании анахронизма⁷. В начале XXI века историография, опираясь на исследовательский опыт антропологически ориентированной истории и когнитивные повороты рубежа веков, возвращается к этим категориям для историзации концепта время.

Философы убедительно показали, что темпоральное измерение настолько укоренено в сознании, что общая тональность жизненных процессов полностью зависит от темпорального опыта⁸. Однако вопрос об историческом времени и его содержании приобрел новое дыхание лишь в конце 1980-х гг., когда гуманитарии практически одновременно с физиками «переоткрыли» время. Историки и этнологи довольно долго интересовались вопросом о времени в терминах представления или репрезентации. И лишь в последние десятилетия время стало восприниматься и интерпретироваться как эффект практик, порожденный конкретной ситуацией: городская жизнь, тюрьма, университет, написание исторического текста или осмысление памяти и забвения. Стало ясно, что темпоральный эффект не может существовать вне практик, он в них формируется. Его качественные особенности представляют собой способы «проживания времени», соответствующие разнообразным контекстам⁹.

В современных дискуссиях о характере и формах исторической динамики время предстает не как нейтральный медиум в работе историка с исторической информацией, но как деятельный актер, связанный с этикой и политикой. Высказываются суждения о том, что мы находимся в преддверии «принципиально нового понимания связей исторического и политического»¹⁰. Исследуя взаимоотношения истории и памяти, роль разных форм коллективной памяти, историки проявляют озабоченность по поводу современного статуса прошлого и отношений между прошлым и будущим. «Как стирается граница между реальным миром и искусством в современном художественном творчестве, так же стирается граница между прошлым и настоящим благодаря последним революциям, произошедшим в историописании. В отличие от недавнего време-

⁵ Козеллек 2016. № 2. С.149-173.

⁶ Hartog 2003; Fritzsche 2004.

⁷ Rancière 1996, p.53-68; Loraux 1993, p.23-39; Олейников 2014.

⁸ См., напр.: Philosophie et spiritualité. 2002. Serge Carfantan

⁹ Bensa 1997.

¹⁰ Osborn 1995; О политической нагруженности демаркационной линии между настоящим и прошлым см., напр.: Олейников 2014. № 126.

ни, сегодняшний исторический объект характеризуется неуловимостью и прозрачностью, делающими проблематичным разграничение прошлого и настоящего»¹¹. Осмысление проблематики исторического времени сегодня представляется как поиск необходимого для историографической практики третьего пути между объективизмом и релятивизмом. К. Лоренц называет это «внутренним реализмом». Не удивительно, что выявление содержания и особенностей исторического времени оказалось сопряженным с переопределением явления историчности¹².

Первоначальное понимание историчности, исходя из временности, содержится в трудах философов. Самые известные среди них: В. Дильтей, показавший, что человеческая жизнь является воплощением универсальной историчности, Э. Гуссерль, обосновавший историчность времени-сознания, и М. Хайдеггер, представивший историчность как «временящую временность *Dasein*». Много об историчности размышлял П. Рикер: в его интерпретации сама способность помнить предстает как историчность. Следует назвать также Ж. Деррида и Ж. Делеза, разрабатывавших проблематику поиска смыслов как в текстах, так и в истории. Однако, несмотря на обилие работ, посвящённых анализу феноменологической трактовки времени, фундаментальная для постметафизической философии проблема соотношения времени и истории, временности и историчности остается слабо изученной. Тем не менее, уже в философской мысли историчность связывается не только с темой времени.

Например, В. Шлыков, изучая историчность на пересечении *традиции, судьбы, события и памяти*, выходит на проблему связи историчности, истории, сознания и памяти. Пытаясь понять «каким образом в недрах сознания рождается историческое измерение; каков генезис мифологического сознания, ещё не распавшегося на общефилософские оппозиции "природа/история", "я/другой", "бытие/становление"; насколько оправдано притязание историчности на роль основы в самопонимании "неавтологического сознания"; как память прошлого в качестве памяти прошлых других постоянно поддерживает и реактуализирует изначальную историчность, требующую не статической логики сущностей, но динамической логики событий»¹³, Вслед за Гуссерлем, Шлыков приходит к выводу: историчность – даже не концепт, это идея, представляющая собой воплощение смысла и априорности, идея как «горизонт любого созерцания», «невидимая среда видения», «полюс чистой интенции, очищенной от всякого определённого объекта», как «отношение к объекту». Историчность связана с историей, но историей, несводимой к прошлому. Философ убежден, что «познание прошлого вне-

¹¹ Анкерсмит 2008. Р. 149–167.

¹² Bevernage, Lorenz. 2013. N 1 (63). Р. 31-50.

¹³ Шлыков 2005. С. 16.

исторично: оно отрицает историю, отрицая её неизвестное будущее. Историчной вещь делает не установленное прошлое, а возможное будущее, причём только память способна быть полностью открытой грядущему, не нуждаясь в нём и не проектируя на него свою сегодняшнюю уверенность в прошлом»¹⁴. Преодолевая «бедность» традиционно понимаемой историчности, автор обращается к концептам *памяти* и *другого*, исследует мифологическое сознание как «тотально историческое».

Подобные наблюдения встречаются и в работах историков. Так, известные польские исследователи, осмысливая природу исторического времени приходят к заключению о том, что «исток исторического времени и исторического мышления, является магическое мышление. Из происходящих в нем изменений берутся известные нам примеры исторических форм мышления и речи, в том числе в форме историографических шедевров, являющихся одновременно и шедеврами культуры. Они содержат в себе явные и скрытые следы своего происхождения»¹⁵. Более того, сама «идея генезиса имеет магическое происхождение. Ее прародителем является отношение частичной и неполной идентичности, основанной на метаморфозе. Из хаоса изменений, вызываемых метаморфозой, выделяются те, которые характеризуют активную, более раннюю сторону и пассивную, более позднюю. Генетическая связь наследует эти характеристики и становится ресурсом стабильных и относительно стабильных отношений магического мира, а затем постмагической связью между состояниями вещей, в том числе исторических. Вместе с тем, мы замечаем в рамках *la mentalité primitive* кооперацию и корреляцию между идеей временной последовательности, идеей частичной метаморфозы и рождающейся идеей генезиса. Она же, вместе с идеей временной последовательности, находится и в основании исторического дискурса»¹⁶.

Для историка историчность – это принцип, позволяющий реализовать профессиональные амбиции по приручению прошедшего. Однако принцип этот изменчив и во многом зависит от характера исторического познания, в русле которого историк работает. В классическом познании историчность понималась в детерминистском ключе: обнаружить и продемонстрировать историчность изучаемого фрагмента исторической реальности означало вписать его в исторический контекст эпохи. В таком случае историчность предстает как поток сменяющих друг друга событий и процессов. При этом преемственность и линейная последовательность абсолютизируются, а разрывы нивелируются. Одновременно в порядке времени очень важна темпоральная дистанция между прошлым и настоящим, являющаяся важнейшим условием объективности

¹⁴ Там же.

¹⁵ Поласик-Вжосек, Вжосек 2017. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 17.

полученных результатов. Наличие такой установки предопределило понимание предмета исторической науки как прошлого и породило недооценку истории современности. Прошлое не просто предшествует настоящему, но является его условием¹⁷. При этом предполагается, что историк работает по «следам», изучая материальные свидетельства того, что было (текстов, изображений, памятников и пр.). Эти свидетельства довольно долго воспринимались как зеркало исторической реальности, реконструкция которой и составляет основную задачу историка. Однако во второй половине XX века «зеркало разбилось», а единая История постепенно уступила место множеству историй, отличающихся небывалым содержательным разнообразием. Большая история, по выражению Ф. Досса, «превратилась в осколки», раскрошилась, радикально изменив пейзаж научного познания, что сделало актуальной мысль о «конце истории»¹⁸. Хотя вскоре выяснилось, что речь идет не о конце истории, но о кризисе определенной концепции истории.

Помимо философии и истории в прошлом веке немало сделали для переосмысления историчности как «особого кадра схватывания объектов» (Ж. Рансьер) другие научные дисциплины, в т.ч. социальные и гуманитарные. Например, двадцать лет назад филолог Н. Полтавцева в коротком, но содержательном тексте показала, что История с большой буквы как «удобный резервуар, сосуд, склад, сундук, где как залежалое и траченное молью, хранилось время с бирочкой “прошлое”», не исторична¹⁹. При этом она ссылается на авторитетные имена весьма пронизательных аналитиков социокультурных трансформаций: А. Бергсон, Г. Гуссерль, М. Пруст, А. Белый, В. Беньямин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Пригожин, Ю. Лотман, структуралисты и постмодернисты.

Благодаря лингвистическому повороту стало ясно, что литература не должна отделяться от других форм дискурса. Уже потому, что все исследователи используют язык в процессе репрезентации полученных результатов. Работы по поэтике исторического познания показали, что вымышленный рассказ переплетается с историческим повествованием в поисках «истины», которая сохраняет в себе мифические элементы.

В историографии позитивистского типа, историчность означала прежде всего вписывание в историю ценностей. Как полагают А. Мешонник, историки-позитивисты, по сути, сводили историю к иллюзии, что знание смысла, означает прежде всего знание условий его производства. Он объясняет это тем, что сциентистские установки сделали таких историков глухими к теории языка. Между тем, еще Деррида, размыш-

¹⁷ Бевернаж 17.08.2012.

¹⁸ Идея конца истории, как утверждает Деррида, висела в воздухе уже в 1950-е гг., задолго до Ф. Фукуямы. Именно она во многом определяла интеллектуальный климат, в котором оформлялась идея деконструкции. – Деррида. 2006

¹⁹ Полтавцева 1997. С. 22.

ляя об основах грамматиологии как «науки о письме», заметил, что именно письмо «открывает нам саму область истории как исторического становления», подчеркивая, что «сама историчность связана с возможностью письма»²⁰. Более того, историчность соединяет в одном времени условия и способность людей трансформировать их, т.е. в историчности соединяется умение видеть, чувствовать, понимать, читать, писать, бесконечно общаться с другими. Это значит, что современное понимание проблематики хронотопа требует более вдумчивого и аргументированного сопряжения антропологических и темпоральных / пространственных явлений в истории. Не случайно самое продуктивное на сегодня использование понятия режимов историчности в эпистемологическом ключе продемонстрировано в контексте перекрестной истории²¹.

Герменевтическое схватывание историчности текста сопряжено с рядом эпистемологических трудностей. Помимо содержательного вопроса «О чем данный текст?», который всегда интересует ученых в связи с историчностью, очень важно понять, почему данный текст сохраняет свое значение в современности, что позволило его субъектности превратиться в интерсубъективность, какова роль ритма в этой трансформации. Эти вопросы соприкасаются с историчностью, введенной в науку лингвистами и филологами. Прежде всего назовем Э. Бенвениста, который не только обогатил гуманитарную мысль своими пронциательными наблюдениями за временем текста, но и актуализировал доплатоновское понимание ритма²². Его тексты стали важной составляющей современного ритманализа не только в искусстве и поэзии, но и в науке²³.

В отечественной филологической науке проблему историчности поставил А.В. Михайлов, филолог-германист, культуролог и литературовед. В его трудах была разработана многоаспектная концепция исторической поэтики, основанная на принципе историчности, понимаемой как «внутренняя мера науки». Автор стремился показать, что так понимаемая историчность может стать теоретической основой научного исследования, предполагающей соотнесение современной научной мысли с «внутренней», «смыслопорождающей» логикой литературной и культурной истории²⁴. Идеи Михайлова пресекаются с оригинальной программой поэтики познания, разработанной в начале 1990-х Рансьером²⁵. В этой программе под поэтикой познания понимается некая «деконструктивистская практика», направленная на то, чтобы соединить полученное дисциплинарное знание (история, политология, социология и пр.)

²⁰ Деррида 2000.

²¹ Werner, Zimmermann 2003/1, p. 7-36.

²² Benveniste 1966 ; Michon 2009 . p. 241-255.

²³ Michon P. 2005 ; Michon Rhuthmos, 6 décembre 2011.

²⁴ См. Данилина 2008.

²⁵ Rancière 1993.

с поэтическими операциями (описание, наррация, метафоризация, символизация и т.п.). Это позволяет лучше прояснить объекты такого познания и придает смысл и убедительность полученным результатам.

Важнейший вклад в копилку идей о содержании историчности внес выдающийся французский мыслитель, поэт и переводчик Анри Мешонник. С. Мартен полагает, что именно Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса, предложил всем дисциплинам переосмыслить понятие историчности. В частности, ученый считал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом историописания»²⁶. Он убежден, что «историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным». По Мешоннику, отношения между языковой деятельностью и жизнью достигают максимума не в истории, а в поэзии. При этом ритм оказывается центральным элементом в проявлении субъективности и историчности. Именно ритм, понимаемый как манера течения, приходит на смену знаку и становится центральным элементом в динамике жизни²⁷.

Размышление о настоящем как ключевой категории темпорального опыта стало центральным при разработке понятия *режим историчности*. В нашей традиции эту синтагму связывают с именем Ф. Артога, который действительно много сделал для обновления наших представлений о мире прошлого и настоящего²⁸. Артог подчеркивает, что понятие *режима историчности* не имеет ничего общего с историзмом, ибо классический историзм телеологичен, вписывается в линейную динамику, предполагает выделение периодов и является эпистемологической доктриной, связанной с философией истории эпохи модерна²⁹.

П. Гарсия, проанализировав труды французских историков первой половины XIX в., показал, что историки не просто фиксируют новый режим историчности, но сами активно участвуют в формировании нового понимания соотношения времен³⁰. Вместе с тем во Франции убедительно обоснована трансдисциплинарная природа этой синтагмы, которая оформлялась несколько десятилетий как в истории, так и в антропологии, политологии, социологии, философии³¹. В конце 1980-х гг. *исто-*

²⁶ Martin / <http://www.fabula.org/cr/278.php>

²⁷ Мешонник 2014; Meschonnic 1982.

²⁸ См., напр.: Hartog 2003. См. также реферат В. Мильчиной 2004.

²⁹ Hartog 2010. P. 766. Историзм XIX века и его модификации в первой половине XX в. – это разные эпистемологические доктрины. Современные философы утверждают, что есть основания говорить, по крайней мере, о шести разновидностях историзма. Ссылки на некий «универсальный» историзм несостоятельны.

³⁰ Garcia 2002.

³¹ Delacroix, Dosse et Garcia (dir.) 2009.

ричность стала для «Анналов» теоретическим ресурсом, способным переопределить идентичность историка. В редакционной статье, предлагавшей обновленную программу журнала в первом номере 1994 года (с заголовком «История, социальные науки»), одной из «амбиций» истории стало «понимание режимов историчности в их многообразии». «Анналь» в то время были озабочены не только защитой идентичности истории, но и обновлением познавательного статуса историописания в русле нового союза с другими дисциплинами и философией³².

Современная история/историография обращается к прошлому не в поисках тождественности, первоначальности и непрерывности, но, напротив, – инаковости, различий, множественности. Когда историки изучают современность (прошлого или настоящего) они стремятся выявить не только последовательности, но разрывы и непрерывности, проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске историчность, понимаемая как трансформация, становится центральным понятием. Постепенно простая фиксация фактов всеобщей изменчивости во времени уступила место пониманию необратимости исторического процесса, уникальности и неповторимости каждого его состояния, укорененности этих состояний в содержательном историческом времени, понимание которого качественно отлично от прежней пространственной трактовки времени как пустой длительности, равно открытой прошлому и будущему. Историчность предстала как различие (Ж. Деррида). При этом речь идет не о тех различиях, которые фиксируются нашим сравнивающим мышлением, а «о саморазличающихся формах реальности, проявляющихся в динамике и процессуальной связи между ними»³³.

Таким образом исторический поворот в познании заключается не только в том, что все дисциплины более активно стали всматриваться в мультитемпоральное содержание исследуемых явлений – они обратили самое пристальное внимание на их историческое измерение, по сути переопределив явление историчности³⁴.

В XXI в. в условиях нового режима историчности и трансдисциплинарности все более необходимым становится переосмысление предметности истории, поскольку термин «прошлое» оказался важнее истории и вытесняет ее в качестве сложного знания из сознания людей. «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т.е. организация прошлого в единый ансамбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спор-

³²Delacroix 2009; Bantigny 2013/1 (N° 117), p. 13-25.

³³ Деррида 2006.

³⁴ В.А. Лекторский полагает, что уже с 1960-х гг. в философии науки делается «упор на историческом подходе к анализу научного знания». – Лекторский 1973. С. 112. В.А. Михайлов также констатировал усиление внимания к проблемам историчности в отечественной науке примерно в то же время.

ного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»³⁵. Впрочем, еще Марк Блок, считая историю не только наукой о людях о времени, но и наукой об изменениях, писал: «Прошлое это данность, которую никто уже не изменит. Зато познание истории – процесс, который без конца изменяется и совершенствуется»³⁶.

При этом аргументы историков против понимания исторической предметности как «прошлого» являются общим местом в интеллектуальной культуре последнего столетия. Один из самых распространенных аргументов заключается в том, что историческое знание рождается на стыке времен, как минимум – это прошлое и настоящее. Но не менее существенна для становления и понимания исторического связь прошлого и будущего. Причем это важно не только для эпохи модерности, но и для современного режима историчности. Образно и точно характеризует новую ситуацию Ф. Артог: современная история/историография стремительно меняется в сопровождении «квартета в составе памяти, коммеморации, наследия и идентичности, а также тех, кто им аккомпанирует. В роли руководителя оркестра выступает наше настоящее»³⁷.

Для понимания истории как науки основополагающей является мысль о ее документальной основе. Сегодня, укоренное в исследовательской и образовательной практике убеждение в том, что история пишется по следам, проблематизируется. Приведу только один пример. Французский медиевист Ж. Морсель на основе большого лексического и историографического материала показал, что метафора следа является отнюдь не истиной, но соглашением, основанным на общей вере³⁸. Основательно изучив, как понятие следа было внедрено в язык историка, Морсель обнаруживает весьма активное использование синтагмы «исторический след» или «след прошлого» еще до Французской революции и анализирует эпистемологические последствия ее широкого распространения. Одним из таких последствий является восприятие истории как науки о прошлом. Морсель полагает, что «прошлое» как объект историка, ценное само по себе или как способ понимания современности, представляется весьма проблематичным. В таком качестве этот объект блокирует трансформации, скрывает конструктивистский характер исторического дискурса, составляет основу телеологического подхода³⁹,

³⁵ Nora 2013/5. № 177. P.3.

³⁶ Блок. 1973.

³⁷ Hartog 2010/1 (n° 158). P. 18-31.

³⁸ Morsel 2016/4 (n° 680), p. 813-868.

³⁹ Выдающийся французский историк А. Корбен недавно убедительно показал на конкретных исторических примерах, насколько телеологическое прочтение истории связано с риском неосознанного искажения прошедшего знанием того, что случилось после. Corbin 2015/2 (N° 40), p. 337-342.

порождает музеефикацию и архивацию исторических данных, а также нередко используется для легитимации настоящего. В последнем случае распространенное выражение «политическое использование прошлого» предстает как прописная истина, трюизм.

Понятие следа соотносится с идеей уликовой парадигмы, которая, по мнению К. Гинзбурга, является основной для историка. Чтобы уйти от дихотомии присутствующего (настоящее) и отсутствующего (прошлое), которая предполагает упрощенное понимание анахронизма, и переопределить, наконец, предметность исторической науки, автор предлагает, используя наблюдения известного французского искусствоведа Ж. Диди-Юбермана, отказаться от устойчивого понимания документа как следа того, чего уже нет, и анализировать симптомы, которые вполне убедительно можно выявить в источниках, не прибегая к умолчаниям и метафорическим допущениям, которые сейчас являются нормой в историописании. Понятие симптома лишено у Диди-Юбермана каких-либо медицинских коннотаций. Это не признак существующей вещи, но скорее пробел смысла в неуловимой или искаженной истине. Иными словами, симптом означает невидимую, но существенную часть видимой вещи; при этом важно не столько то, что он сообщает, но прежде всего указание на то, чего мы не знаем. Поэтому симптом можно рассматривать как «инструмент эвристической гигиены». Заимствуя понятие симптома у Диди-Юбермана, Морсель пишет о возможности своего рода *исторической симптомалогии*, точнее *симптоматической истории*, в которой симптом сменяет след. Речь идет не о навязывании истории семиотической типологии, но о более активном использовании герменевтического потенциала для учета темпоральных различий. Иными словами, метафора симптома рассматривается как альтернатива отпечатка (*l'empreinte*). Эта идея выливается в вопрос: Как будет выглядеть история, если исходить не из того, что документ отсылает к чему-то отсутствующему, но скорее к присутствующему, но невидимому? След работает как присутствующий в настоящем знак того, что отсутствует и как способ преобразования прошлого в настоящем. Ученый полагает, что метафорическая натурализация потока времени и упрощенность процесса изменения, обеспечивается широким использованием термина «источники». Это привело к утверждению мысли о том, что историк работает с обществами, которых больше нет. Но на самом деле историк изучает общества, которые *трансформировались*. В таком случае «прошлое» можно интерпретировать как «совокупность проблематичных трансформаций» (*l'ensemble des transformations en question*), хотя его как правило представляют, как «некое прошлое состояние» (*état passé*), статичное и завершённое⁴⁰.

⁴⁰ Morsel 2016. P. 847-848.

Восприятие документа-следа как отпечатка неотделимо от отчаянных надежд возродить прошлое, и именно эта связь между историей и прошлым объясняет дискуссии об отношениях между историей и памятью, осложняемые еще больше, когда речь идет об индивидуальном воспоминании и документальном высказывании как свидетельстве. Но если вдуматься, то у документа-следа нет возможности воскрешать вещи, которые некогда были конкретными, видимыми и включенными в событийную жизнь, но сегодня об их существовании говорят лишь воспоминания в виде слов и изображений. Материальность документа сама по себе позволяет прояснить то, что хотел сказать автор, только магическим или символическим образом. Документ-след, его форма и содержание возвращает не к автору, а лишь в породившую этот документ социальную систему, которая сегодня превратилась в камень. Историчность (а не «знание по следам») поддерживает историю в ее отношении к прошлому, которое само по себе ничего не дает для объяснения социального изменения и даже мешает или по крайней мере делает очень сложным его включение в социальные науки⁴¹.

Схожие идеи высказываются и на другом эпохальном полюсе исторического познания. В частности, историки *настоящего времени*, размышляя о современном статусе этой дисциплины, существующей во Франции с конца 1970-х, обосновывают мысль, что она больше не нуждается в особом положении, поскольку в течение полувека утвердилась как полноценная составляющая исторической науки⁴². Аргументируя возможность отказаться от выделения такой специальной области исторического знания, они одновременно призывают обеспечить формирование «*истории как социальной науки настоящего*». Соприсутствие множества темпоральностей делает современность в разных ее проявлениях предельно гетерогенной, что очень затрудняет возможность ее адекватного постижения значительной частью живущих в этой современности людей. Ее переосмысление в трансдисциплинарном режиме ведет не только к новому пониманию общественной значимости истории, но и способствует пересмотру устоявшегося разделения наук на естественные и социальные/гуманитарные. Такая наука способна родиться в результате переосмысления предметности исторического познания, выбора иных научно-исследовательских объектов и включения настоящего времени в изучение множества темпоральностей. С укоренением так понимаемой *социальной истории настоящего времени* в пейзаже социальных наук современность станет исследовательским полем с очень высокой конкуренцией, поскольку с ней будут работать историки, этнологи, социологи, экономисты, политологи, географы,

⁴¹ Morsel p. 862-864.

⁴² Droit , Reichherzer. 2013/2 (N° 118), p. 121-145.

философы, лингвисты, специалисты по литературе и т.д. Отличие от привычного подхода будет заключаться во взгляде на настоящее, способах его изучения, схватывания и объяснения. Такая история, по мнению авторов, способна вернуть в социальное познание интерес к объяснению, который во многом был утрачен в последние десятилетия. Для историков это может послужить основанием для выявления историчности практик, институтов, групп акторов и пр. При этом главная забота авторов заключается в том, чтобы включить более естественно и активно историописание в социальные науки (антропология, социология, политология, лингвистика, право).

Очевидно, что и в первом, и во втором случае, речь идет об учете в исследовательской практике историков историчности, понимаемой как метаморфоза/трансформация, в которой исследователь может уловить форму явления или вещи, некогда существовавшего в прошлом, но изменившегося в современности. То, что изучаемое явление вызывает интерес и сегодня – главное свидетельство его историчности.

На мой взгляд эти аргументы представляют значительный интерес для переопределения не только научного статуса истории, но и роли науки и трансдисциплинарного научного познания в целом. Хотя их осмысление определенно потребует времени.

Понятие историчности ввел в исследовательское мышление Дильтей, который увидел в нем решающий критерий для «эпистемологического расширения прав и возможностей» наук о духе и не только обосновал специфику гуманитарных наук, но и показал огромное значение всех наук в изучении человеческой жизни. Экзистенциальные и эпистемологические вызовы третьего тысячелетия требуют радикального переосмысления трансдисциплинарности в свете новой рациональности, формирующейся вокруг идеи сложности и связности всех явлений⁴³.

В XXI в. на смену детерминистскому историзму, стержнем которого остается при всех нюансах самоценность прошлого, приходит мультитемпоральный подход, основанный на идее подвижности границ между основными модусами времени и их постоянном взаимодействии. Включенность прошлого в настоящее в разных формах меняет представление о предмете исторической науки, о соотношении истории и памяти, о материальных и аффективных формах этого взаимодействия. Новое ощущение времени проявляется не только в исследовательской практике историков, антропологов, социологов, лингвистов, философов и искусствоведов, но и в реальной жизни: в коммеморативных практиках, в музейных экспозициях и выставках, в политических движениях и

⁴³ Morin, Le Moigne. 2013; Ouvrir les sciences sociales. 1996.

властных проявлениях реальной политики. Все это изучается в трансдисциплинарном режиме, где ключевым является понятие историческо-го опыта, а также концепт *историчность*.

Историческое исследование – это в идеале опыт размышления над историчностью других. Это описание истории как уникальной трансформации, стержнем которой является «изобретение собственной историчности» (А. Мешонник). Речь может идти как об отдельном человеке, так и о коллективном субъекте, событии и текстах. Возможно, так понимаемая историчность сближает историю с искусством.

Исторический характер явления предполагает возможность его трансформации, выводящей на проблемы исторической динамики. Именно это самое интересное в истории, которая не сводится к условному прошлому, к тому, что было. Постигание историчности – антидот против расслабляющего восприятия реальности как надежной и устойчивой. Такой подход к истории позволяет придать подвижность настоящему, открывая в нем, как писал П. Рикер, «неисполненные возможности прошлого». Переосмысление природы исторической динамики стало своеобразным рычагом, позволившим нащупать путь к переоценке статуса исторического познания в подвижном мультимедийном универсуме. При этом не только философы, но и ученые все увереннее размышляют о необходимости пересмотреть существующее более столетия разделение наук на естественные и социальные/гуманитарные, поскольку современный анализ научных исследовательских практик подводит к выводу, что социальные науки, в т.ч. история, ничем не уступают по своей фундаментальности наукам естественным.

Один из авторитетных политических мыслителей прошлого века Клод Лефорж, писал в конце 1980-х о том, что подлинная трансформация (символическая или политическая) предполагает «появление новой идеи времени, нового разделения прошлого и будущего, истины и лжи, видимого и невидимого, реального и воображаемого»⁴⁴. Не пришло ли время именно для такой трансформации истории как науки?

В конце XVIII столетия воплощением небывалой метаморфозы стал опыт Французской революции. Способны ли социальные и гуманитарные науки XXI века своими трансдисциплинарными практиками обновить нашу историчность?

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. 264 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. M.: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya». 2009. 264 s.]
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности / Пер. с франц. // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). С. 19-38. [Artog F. Poryadok vremeni. rezhimy istorichnosti / Per. s frants. // Neprikosnovenny zapas. 2008. № 3 (59). S. 19-38]

⁴⁴ Lefort 1988. P. 93.

- Бевернаж Б. Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер. 17.08.2012 <http://gefeter.ru/archive/5835> [Bevernazh B. Vremya, prisutstviye i istoricheskaya nespravedlivost // Gefeter. 17.08.2012 <http://gefeter.ru/archive/5835>]
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М. Наука, 1973. 236 с. [Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. M. Nauka, 1973. 236 s.]
- Данилина Г. И. Принцип историчности: концепция исторической поэтики А.В. Михайлова. М., 2008. 48 с. [Danilina G. I. Printsip istorichnosti: kontseptsiya istoricheskoy poetiki A.V. Mikhaylova. M., 2008. 48 s.]
- Деррида, Ж. Призраки Маркса. М.: Logos-altera, 2006. 256 с. [Derrida. Zh. Prizraki Marksa. M.: Logos-altera. 2006. 256 s.]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149-173 [Kozellek R. «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniy» – dve istoricheskkiye kategorii // Sotsiologiya vlasti. 2016. 28/2. S. 149-173]
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени» // Отечественные записки. 2004. № 5 [Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhatsya istoriyey? Iz knigi «Proshedsheye budushcheye. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni» // Otechestvennyye zapiski 2004. N 5]
- Мешонник А. Рифма и жизнь. М.: ОГИ, 2014. 400 с. [Meshonnik A. Rifma i zhizn. 2014. 400 s.]
- Митчелл Т. Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. 98. С 123-139 [Mitchell T. Stsena «sovremennosti» // Neprikosovennnyy zapas. 2014. 98. S 123-139]
- Олейников А. Откуда берётся прошлое? Апология анахронизма // Новое литературное обозрение. 2014, 2 (126) [Oleynikov A. Otkuda beretsya proshloye? Apologiya anakhronizma // Novoye literaturnoye obzoreniye. 2014. 2 (126)]
- Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000. 144 с. [Perov Yu.V. Istorichnost i istoricheskaya realnost. SPb., 2000, 144 s.]
- Перцева А.А. Историзм и субъективация. От Фуко к Рансьеру и обратно // История филологии 2017. Т. 22. № 1. С. 92–105 [Pertseva A.A. Istorizm i subyektivatsiya. Ot Fuko k Ransyeru i obratno // Istoriya filologii 2017. T. 22. № 1. S. 92–105]
- Поласик-Вжосек К., Вжосек В. От магической метаморфозы до метаморфозы генезиса. К проблеме понимания исторического времени // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 5-24 [Polasik-Vzhosek K., Vzhosek V. Ot magicheskoy metamorfozy do metamorfozy genезиса. K probleme ponimaniya istoricheskogo vremeni // Dialog so vremenem. 2017/60. S. 5-24]
- Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005. 256 с. [Shlykov V. Pamyat proshlykh drugikh kak transsendentalnaya eksplikatsiya istorichnosti: k ontologii istoricheskogo soznaniya. Sevastopol: SevNTU. 2005. 256 s.]
- Bantigny L. Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/1 (N° 117), p. 13-25. DOI 10.3917/vin.117.0013
- Bensa A. Images et usages du temps // Terrain [En ligne], 29 | septembre 1997, mis en ligne le 21 mai 2007, consulté le 19 novembre 2017. URL: <http://terrain.revues.org/3190>
- Bevernage B. Time, presence, and historical injustice // History and Theory 47. 2008.2. P. 149–167.
- Bevernage B., Lorenz Ch., Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future // History of Historiography. International Review. 2013. N 1 (63). P. 31-50.
- Boucheron P. et Casanova V. L'histoire pour espacer le temps. Entr. avec Patrick Boucheron // Écrire l'histoire [En ligne], 11 | 2013. URL: <http://elh.revues.org/300>
- Corbin A. Le risque pour l'historien désireux de comprendre le passé, de savoir ce qui est advenu après la période qu'il étudie // Sociétés & Représentations 2015/2. 40, p. 337-342.
- Delacroix Ch. Généalogie d'une notion // Delacroix Ch., Dosse F., et Garcia P. (dir.) Historicités. Paris: Découverte, 2009. P. 29-45.
- Dosse F. Les regimes d'historicité comme traces experientielles // <https://www.oslo2000.uio.no/program/papers/m2a/m2a-dosse.pdf>
- Droit E., Reichherzer F. La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/2 (N° 118), p. 121-145. DOI 10.3917/ving.118.0121
- Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 288 p.

- Garcia P. Les régimes d'historicité : un outil pour les historiens ? Une étude de cas: la «guerre des races // Revue d'histoire du XIXe siècle, 25 | 2002. URL: <http://rh19.revues.org/index418.html>
- Hartog F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu Alexandre et Dodille Norbert dir., Paris, L'Etat des lieux en sciences sociales, L'Harmattan, 1993, p. 18-38.
- Hartog F. Évidence de l'histoire. Ce que voient les historiens, Paris, EHESS. 2005. 285 p.
- Hartog F. Le présent de l'historien // Le Débat, n° 158, janvier-février 2010, pp. 18-31.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. 272 p.
- Lefort C. Democracy and political theory, Cambridge: Polity Press. 1988. 295 p.
- Loraux N. Éloge de l'anachronisme en histoire // Le genre humain, n°27, Seuil, 1993, p. 23-39.
- Martin S. L'historicité radicale du langage // <http://www.fabula.org/cr/278.php>
- Meschonnic H. Critique du rythme, Anthropologie historique du langage, Verdier 1982. 730 p.
- Michon P. L'historicité au prisme de la théorie du langage de Benveniste // Christian Delacroix et al., Historicités, La Découverte « Recherches », 2009, p. 241-255.
- Morin E., Le Moigne J.-L. (dir). Intelligence de la complexité. Épistémologie et pragmatique. Paris, 2013. 457 p.
- Morsel J. Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passiste // Revue historique 2016/4 (n° 680), p. 813-868. DOI 10.3917/rhis.164.0813
- Osborn P. The Politics of time: Modernity and Avant-Garde. London: Verso. 1995. 272 p.
- Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par Immanuel Wallerstein. 1996. URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/>
- Philosophie et spiritualité. Les dimensions temporelles. 2002. Serge Carfantan // <http://www.philosophie-spiritualite.com/cours/temps1.htm>
- Rancière J. Le concept d'anachronisme et la vérité de l'historien // L'Inactuel, n°6, 1996, p.53-68.
- Rancière J. Les mots de l'histoire du cinéma // Les Cahiers du Cinéma n°496, 1995. 192 p.
- Rancière J. Les Noms de l'histoire – essai de poétique du savoir. Paris: Le Seuil, coll. «La librairie du XXI siècle », 1993. 224 p.
- Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée : entre empirie et réflexivité // Annales. Histoire, Sciences Sociales 2003/1 (58e année), p. 7-36.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

Historicity and history in the intellectual culture of the 21st century

Actualization of historicity in the intellectual culture of the second half of the 20th c. became one of the manifestations of the "historical turn" in scientific knowledge. The author looks at the works by philosophers, anthropologists, historians, philologists to understand what the content of this turn is and how historicity is perceived at the beginning of the third Millennium. It is shown that the problem of historicity has been discussed for several decades in line with anti-theological thought, which gradually rehabilitated the gaps in history, the virtuality of the past, the fundamental nature of the relational interaction between the past and the present. Differences between historicity in classical cognition and in the intellectual culture of late 20th – early 21st cc. are revealed; peculiarities of the conceptualization of historicity at the intersection of philological and historical perspectives are discussed, as well as transdisciplinary origin of the syntagma regime of historicity, its relationship with the temporal turn in cognition and cognitive processes in research activities.

Keywords: historicity, temporality, history, historical change in the knowledge, the mode of historicity, transdisciplinarity

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; achekantzev@mail.ru; zinaidachekantseva@gmail.com